

УДК 343.1

*А.С. Лукомская***РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОНЯТИЯ «ПОТЕРПЕВШИЙ» В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ В ПЕРИОД ДО ПРИНЯТИЯ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 года**

С помощью исторического метода проведен анализ развития понятия «потерпевший» в период до принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. В результате сформулировано предположение о том, что первые предпосылки формирования единой лексемы юридического концепта, отражающего положение лица, претерпевшего «обиду» и требующего защиты государства, образовались в период возникновения Русской Правды. Новгородская судная грамота 1456-1471 гг., Псковская судная грамота 1397-1467 гг. включали процессуальный концепт «истец», который с существенной трансформацией в смысле и функциональном назначении «дожил» до современного процессуального права России. Уложения 1649 гг., Артикул 1715 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. не предусматривали единой языковой формы «потерпевший». Обосновывается, что лексема юридического концепта «потерпевший» впервые отражена в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., но без дефиниции. Потерпевшим от преступных действий признавалось лицо, которому преступлением или проступком причинен вред и который понес убытки. Предположительно, в период разработки Устава уголовного судопроизводства 1864 г. юридический концепт уголовно-процессуального понятия «потерпевший» заимствован в национальное законодательство от более широкого по содержанию французского правового понятия «*victim*», собирающего в своем содержании такие описательные лексемные конструкции, как «жертва», «пострадавший», «потерпевший».

Ключевые слова: потерпевший, жертва, пострадавший, преступление, участник уголовного процесса, генезис понятия, уголовно-процессуальное законодательство России, Устав уголовного судопроизводства 1864 г.

Используя приемы, средства и способы анализа и изложения исторических событий, составляющие исторический метод исследования интерпретаций правовых текстов первоисточников, попытаемся выявить предпосылки формирования единой лексемы юридического концепта «потерпевший», в период, ознаменованный проведением Судебной реформы 1862 г., и принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 г. В настоящем исследовании «потерпевший» как «юридический концепт» представляет собой языковую смысловую конструкцию, объединяющую в себе основную идею социально-правового явления, его нормативное выражение.

Понимая, что соотнесение понятий и юридических конструкций современного уголовного и уголовно-процессуального права с терминологией, существовавшей в разные исторические периоды, является условным, в большей степени отвечающим конкретным целям, задачам и вопросам настоящего исследования, генезис¹ уголовно-процессуального понятия потерпевшего, а также формирование периодизации развития этого явления логично начать с исторического отделения славянской языковой семьи, когда племена сменяли территории пребывания, образовывали этнические общности. В этот период, на фоне резкого скачка в развитии земледелия, сопровождающегося торговлей с Римом, произошло расслоение внутренней структуры племён, что привело к военным действиям, способствовавшим объединению племён восточных славян. Так, уже к IX в. значительные по своим масштабам территории (земли) заняли различные восточнославянские племена, отличавшиеся по форме организации этноса, со временем образовавшие протогосударственные объединения, которые в свою очередь естественным образом сформировали так называемое Древнерусское государство. Этико-правовые моменты, в том числе из сложившихся мифологических абстракций, легли в основу существующего порядка древних славян, именуемое как «древнее славянское право»², характерными чертами которого, как справедливо отмечали В.В. Иванов и В.Н. Топоров, являлось то, что «дух сла-

¹ Генезис (*греч.* genesis) – происхождение, становление и развитие, результатом которого является определенное состояние изучаемого объекта. (Краткий философский словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2008. 491 с.).

² Иванов В.В., Топоров В.Н. О языке древнего славянского права // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. М., 1978; Иванов В.В., Топоров В.Н. Древнее славянское право: архаичные мифопоэтические основы и источники в свете языка // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 234-235).

вянского язычества определялся такими этико-правовыми ценностями, как порядок и закон, правда и справедливость»³, а «специфика славянской традиции по сравнению с близкородственными как раз и заключается в архаичной нерасчлененности понятий права, справедливости и закона»⁴. В этот исторический период малочисленность дошедших до современников источников права не позволяет сделать вывод о существовании в них лексемы, символизирующей образ лица, которому причинен вред противоправными действиями другого лица.

Обращаясь к источникам права древней Руси, доступным для современных исследователей: «Закону русскому», «Русской Правде», «Эклогам», уставам, договорам, судным грамотам, а также ценнейшим для понимания формирования, развития и трансформации концепта «потерпевший» ресурсам – мемуарам, запискам, сочинениям, дневникам отечественных и зарубежных политиков и дипломатов, можно констатировать, что все это письменное, хроникальное и летописное наследие указывает на выраженную закономерность в появлении предпосылок формирования единой лексемы «потерпевший», образа социального явления – элемента социальной реальности, результата взаимодействия людей, обладающего характерными, специфическими свойствами и чертами.

С принятием христианства (988 г.) и появлением патриархальных норм и заповедей, которые ознаменовали быстрое развитие письменности, произошел раздел земель на княжеские и церковные. В этот период под влиянием объективных исторических и культурно-обусловленных факторов в язык вошли специфические религиозные лексемы, например, жертва (*греч.* «тюсия»). В Новом Завете можно найти такие лексические конструкции, как «жертва за грех», «жертва возлияния», «мирная жертва», «жертва Завета», «пасхальная жертва», «духовная жертва», «пожертвование», «Голгофская жертва» и др. Поскольку исторически православные нормы повлияли на развитие права, уместно предположить, что они также оказали влияние на формирование концепта «потерпевший», а также его когнитивных (*лат.* *cognitio* – восприятие, познание) составляющих.

Согласно законодательным актам Древней Руси при отсутствии выделенных должностей по расследованию и раскрытию преступлений, начало уголовного преследования осуществлялась при условии непосредственного обращения потерпевшего с официальной жалобой (заявлением) за защитой в княжеский суд. При этом поиск свидетелей, бремя установления преступника и доказывание его виновности, в том числе, возлагалось на самого заявителя.

Первая письменная кодификация, сформулированная в Русской Правде, предположительно имевшей три редакции: Краткую, Пространную и Сокращенную, не содержала в себе языковую лексему концепта «потерпевший», при том, что в основу понятия «преступление», согласно этому источнику права, было положено нанесение какого-либо имущественного, материального или физического ущерба какому-либо лицу или нескольким лицам.

М.Б. Свердлов, формируя описание характеристик потерпевшего – участника правоотношений, ссылаясь на нормы Русской Правды, регламентирующие правила, связанные с посягательством на него, выделяет два признака: физические свойства потерпевшего от преступления, например, «муж» – человек (ст.ст. 1, 10, 30); социальный статус личности, например, «свободный человек» (ст. 17), «огнищанин», «подъездной» (ст.19), «тиун» (ст. 22), «рядович» (ст. 25) и т.д.⁵

Поздняя редакция «Правды Роськой», Суд Ярославль Володимерич» разделяла сословные признаки потерпевшего от преступления. Сословный подход исходил из социальной роли человека в жизни общества. При этом, объектами правовой охраны являлись в большей мере жизнь и имущество привилегированных потерпевших, с точки зрения приближенности к князю, охранялись имущественные права на природные ресурсы. Наряду с сословным подходом появлялись представления о личности, поведении, признаках потерпевшего, действиях-противодействиях между виновным и потерпевшим как о характеризующих элементах состава преступления⁶.

Анализ отдельных норм Русской Правды показал возникновение предпосылок, как условий для формирования единой лексемы юридического концепта, отражающего положение лица, претерпевшего «обиду» и требующего защиты государства. Такими условиями объективно выступали понятие

³ Мальцев Г.В. Культурные традиции права: монография. М.: Норма; ИНФРА-М, 2013. С. 170.

⁴ Иванов В.В., Топоров В.Н. О языке древнего славянского права. С. 234-235.

⁵ Свердлов М.Б. Краткая Правда Русская (раздел второй) // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4946>.

⁶ Проект «Хронос». Русская Правда (Краткая, Пространная и Сокращенная редакции). URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1000dok/pravda72.php>.

и содержание преступления, а также лица, претерпевшего «обиду». Правовое положение такого лица зависло от сословной, социальной принадлежности: «зависимые», «независимые», из «свободных», «огнищанинов», «подъездных», «рядовичей», «рабов», «кормилиц», «холопов», «княж мужей», «мельников», «княжи-отроци» и др.⁷

Нормы Русской Правды включали в себя элементы частного-искового типа уголовного процесса и импульсом возбуждения уголовного преследования являлась жалоба или челобитная потерпевшего, заявление которой происходило в установленном порядке⁸.

С постепенным переходом от частного-искового уголовного процесса к сыскному уголовному процессу княжеского периода одними из важнейших источников для нашего исследования выступают *Псковская судная грамота 1397–1467 гг.*⁹ и *Новгородская судная грамота 1456–1471 гг.*¹⁰, принятая Великим московским князем Иваном (III) Васильевичем на общем Новгородском вече. Новгородская судная грамота, хотя и формально, но содержала положения о доступе граждан, независимо от пола, социальной, классовой принадлежности, к правосудию, о зарождающемся институте представительства в суде, о процессуальном порядке ведения судебных дел и др. Лексема концепта «потерпевший» в нормах Новгородской судной грамоты не содержалась, а лицо, которому преступлением причинен вред, именовалось «истцом». Судопроизводство по уголовным делам начиналось с клятвы истца о том, что он обвиняет преступника (ответчика) законно, после чего суд принимал на себя бремя доставления лица, обвиняемого в совершении преступления, в суд с использованием механизмов административного воздействия, обязывая владельца земли выслать лицо в установленный срок. При этом укрывательство наказывалось штрафом.

Псковская судная грамота, созданная на основе договорных грамот, положений византийского и германского права, а также норм Русской Правды, своими нормами расширила границы правового статуса «истца», «тяжущей стороны», «сторонь», «избитого», «человека», «псковича» и др. Новым являлось введение понятия преступления, а именно, его последствий, к которым был отнесен, в том числе, вред, причиненный государству, в целом. Лицо, признанное виновным, выплачивало вознаграждение потерпевшему и осуществляло обязательную выплату (продажу) в пользу князя как вид наказания. В связи с этим истец как участник уголовно-процессуальных отношений перестает играть сколь-нибудь значимую роль, что объясняется выраженным публичным характером этих правоотношений. На правовом положении потерпевшего отразилась классовая борьба в Пскове, где «бояре», «жители люди», «земцы», «духовенство», «купцы», «черны», «молодые», «люди», «смерды», «холопы», «половники», «изорники», «огородники», «кочетники» пытались защитить свои, в том числе имущественные, права. Такая возможность предоставлялась лишь господствующему классу, защита прав для эксплуатируемых масс была не доступна.

Исследование отдельных норм Новгородской судной грамоты 1456–1471 гг. и Псковской судной грамоты 1397–1467 гг. показало, что на развитие концепта уголовно-процессуального понятия «потерпевший» оказал влияние концепт «истец», «доживший» до современного процессуального права России.

Следующим значимым для настоящего исследования источником права, содержащим «следы» формирования уголовно-процессуального концепта «потерпевший», представляется *Уложение 1649 г.*¹¹, созданное на основе правил Святых Апостолов и Святых Отцов, градских законов греческих царей, старых судебных прежнее великих государей, указов князя Михаила Федоровича, а также боярских приговоров. Оно характеризовалось большей конкретизацией. Целью судопроизвод-

⁷ Там же.

⁸ Это происходило через «заклич», когда потерпевший заявлял о совершении в отношении него преступления публично, а впоследствии он принимал меры к защите своих прав возможностями частного уголовного преследования, например, через «свод», смысл которого сводился не только к поиску лица, совершившего преступление, но и к возможности потерпевшего восстановить свои права. Пространная редакция Русской Правды выделяет «гонение следа», которое заключалось в преследовании преступника, в том числе по горячим следам. (Проект «Хронос». Русская Правда (Краткая, Пространная и Сокращенная редакции). URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1000dok/pravda72.php>).

⁹ Псковская судная грамота 1397–1467 г. URL: <http://www.history.ru/content/view/1304/87/>.

¹⁰ Новгородская судная грамота 1456–1471 г. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/44686.php>.

¹¹ Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm>.

ства по Уложению 1649 г. являлось «избавляти обидящего от руки неправеднаго» (ч. 1 гл. X «О суде»). Выраженной лексемы «потерпевший» Уложение 1649 г. не содержало, предусматривая его собирательными лицами: «истец», «челобитчик», «раненый», «тот кому учинят убытки», «тот кому насильство чинити» и др., а также из них «боярин», «околичев», «думный человек», «стрелец», «казак», «пушкарь» и др. Впервые формально закреплялся принцип независимости от сословного расчленения, равенства лиц перед законом, что отразилось на правовом положении потерпевшего. Статусом потерпевшего наделялось также государство и церковь. Лицо, обладающее правом возбуждать уголовное преследование, несло ответственность за «ложное челобитье», что было закреплено на нормативном уровне. Уложение 1649 г. включало положение о том, что «всяких чинов людям от большого до меньшего чину, суд и расправа была во всяких делах равна». При этом вышеуказанный принцип имел исключения для духовного сословия в зависимости от статуса в церковной иерархии. Важным с точки зрения обеспечения прав лица, потерпевшего от преступления, являлось процессуальное требование вести дело без волокиты: «По обыском судные дела по тому же вершити вскоре, чтоб никому в судных делах лишние волокиты и убытков не было»¹².

Указанные характерные особенности Уложения 1649 г. легли в основу дальнейшего формирования концепта «потерпевший» уже в *Артикуле Воинском 1715 г.*¹³, который отличался тем, что регулирование отношений осуществлялось в рамках военного дела. Согласно Артикулу, участниками уголовно-процессуальных отношений являлись честный военный человек «салдат», «офицер», «рядовой», «фелтмаршал», «командующий», «генерал», «генерал-гевальдигер», а также «судья, комиссар, служитель провиантский, судейский служитель», «всякого особо высокого и низкого чина». Единой языковой формы, под которой понимался бы потерпевший, Артикул 1715 г. не содержал, а такое лицо именовалось собирательно с учетом его характеризующих различий, как «кое-кто», «оный», «человек», «жена», «вдова», «девица», «блудница», «женской пол, старая или молодая, замужняя или холостая», «отец, мать, жена, дитя», «его величество», «своей собственный господин», «товарыщ свой» и др.¹⁴ Характеристика личности и поведения потерпевшего регламентировалась в 46 артикулах из 209¹⁵.

*Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.*¹⁶ под преступлением или проступком признавало как само противозаконное деяние, так и неисполнение того, что под страхом наказания уголовного или исправительного законом предписано (ст. 4). Уложение 1845 г. не содержало лексемы «потерпевший», а лицо, которому преступлением причинен вред, обозначалось как «причиненные кому-либо вред или убытки», а также «частное лицо, многие, общество и государство», «лица, против коих преступление предпринято», к которым могли относиться, в том числе, «помещики, владельцы, управляющие» и др. Уголовное преследование возбуждалось по заявлению прокурора, стряпчих, полиции, а также по доносу и жалобе конкретного лица.

Анализируя материальные нормы Уложения 1845 г., необходимо отметить, что оно сохраняло зависимость от характеристики личности и поведения потерпевшего для обстоятельств, усиливающих и смягчающих ответственность виновного. Произошло приближение к систематизации данных о личности и поведении потерпевшего, которое выражалось в «произведении обиды», оскорбления или иных поступков. Личность потерпевшего рассматривалась через религиозные убеждения, служебное и должностное положение, родственные отношения с семьей императора, отношения с виновным (родственные, служебные и т. д.). Раздел «О преступлениях и проступках против законов о состояниях» Уложения 1845 г. сохранял в основе защиты прав потерпевших от преступлений сословные права и привилегии, которые также отражены в разделе «О преступлениях крепостных людей против своих господ», в положениях о наказаниях, согласно которым принуждение было различным для «мещан и крестьян», «лиц других состояний», «дворян», «чиновников», «почетных граждан», «купцов первой и второй гильдии» и т. д.

¹² Уложение 1649 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm>.

¹³ Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. Т.4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А.Г. Маньков. М.: Юрид. лит., 1986. URL: http://militera.lib.ru/regulations/russr/1715_artikul/index.html.

¹⁴ Артикул Воинский 1715 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm>.

¹⁵ Сирик М.С. Развитие института потерпевшего при династии Романовых // История государства и права. 2006. № 11. С. 16.

¹⁶ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. URL: <http://xix-vek.ru/material/item/f00/s00/z0000003/st070.shtml>.

*Манифест 1861 г.*¹⁷ об отмене крепостного права повлек естественные по своей природе изменения в обществе в целом и в сознании людей в частности. В логическое продолжение начатых преобразований в государстве, притворяя в жизнь судебную реформу, в Указе Правительствующему сенату Александр II констатировал, «желание водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе то уважение к закону, без которого невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем действий всех и каждого, от высшего до низшего». Речь шла о проектах, представлявших собой Судебные Уставы, которые состояли из четырех книг: Устава гражданского судопроизводства; Устава уголовного судопроизводства; Учреждения судебных установлений; Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

Наибольший интерес для исследования предпосылок формирования концепта уголовно-процессуального понятия «потерпевший» и его лексемы представляет *Устав уголовного судопроизводства 1864 г.*¹⁸ (далее – УУС 1864 г.), внесший особый вклад в его развитие. Разработка этого нормативно-правового акта основывалась на достижениях отечественного правового опыта, а также на передовых идеях европейских стран, в том числе Франции, Англии, Германии. В результате такой работы российское общество получило один из самых прогрессивных уголовно-процессуальных кодексов в Европе. В рамках реформирования судостроительства в УУС 1864 г. вошли основополагающие начала правосудия: гласность, равноправие сторон, принцип свободной оценки доказательств судом, независимость и самостоятельность в осуществлении возложенных на суд полномочий. Устав содержал четкий порядок, тщательную регламентацию отправления правосудия, выраженную структурированность уголовного процесса.

УУС 1864 г. впервые регламентировал лексему концепта уголовно-процессуального понятия «потерпевший», но без дефиниции. Анализ отдельных норм УУС 1864 г. показал, что потерпевшим от преступных действий признавалось лицо, которому преступлением или проступком причинен вред и которое понесло убытки. Речь не шла исключительно о физических лицах, поскольку история знала прецеденты, когда по решению Сената 78/63 в качестве потерпевшего от преступления было признано Общество русских драматических писателей в связи с закрепленной Уставом обязанностью охранять права литературной собственности на драматические произведения их членов¹⁹. Допускалось участие в уголовном судопроизводстве в качестве потерпевшего юридического лица, казенного управления, например, лесного управления.

Ученые-правоведы дореволюционного периода очертили три направления по данному вопросу, рассматривая юридический концепт «потерпевший» как: 1) не требующий трактовки; 2) без выделения критериев всех лиц; 3) понимая под ним непосредственно пострадавших лиц, которые понесли ущерб.

Если рассматривать версию о заимствовании лексемы «потерпевший» из французского законодательства²⁰, то необходимо учитывать, что национальная специфика термина «*victim*», являющегося основополагающим для французской законодательной системы, заключается в том, что под ним в межотраслевом смысле (категория) понималось лицо, которое понесло ущерб или пострадало от действий другого лица, что имело губительные последствия. Нормы современного УПК Франции²¹ регламентируют такие описательные конструкции, обозначающие потерпевшего, как лицо, понесшее ущерб, ущемленное в чем-либо; пострадавшая сторона; лицо, погибшее, убитое или раненое при исключительных обстоятельствах; жертва преступления и др.

Сравнение концепта «потерпевший» в контексте версии о его заимствовании из французского законодательства приводит к выводу о том, что различие заключается в большей семантической емкости французского концепта, поскольку он включает в себя также такие конструкции, как жертва и пострадавший.

Появление двухстадийного уголовного разбирательства по французскому типу привело к формированию процессуального положения потерпевшего с акцентом на личность. В основу понятия, а

¹⁷ Манифест 1861 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/feb1861.htm>.

¹⁸ Устав уголовного судопроизводства 1864 г. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/>.

¹⁹ Случевский Вл. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1891. С. 230.

²⁰ Там же.

²¹ Code de procédure pénale. Version en vigueur au 12 mai 2017 // Legifrance.gouv.fr. Le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr>.

также правового статуса потерпевшего положены его основополагающие элементы – права. И хотя нормы о правах потерпевшего были разбросаны и содержались в различных статьях по всему тексту правового акта, необходимо отметить их особую форму и содержание.

Согласно Уставу 1864 г., потерпевший имел право: возбуждать судебное преследование (ст. 2); обличать обвиняемых перед судом по уголовным делам, подведомственным мировым судебным установлениям (ст. 3, ст. 41 п. 2 и 48); подавать жалобу (объявление лица потерпевшего от преступления или проступка) мировому судье (ст. 5, 42, 301); подавать жалобу судебному следователю, прокурору как достаточный повод к начатию следствия (ст. 303); возбуждать уголовный иск (ст. 5); заявлять иск о вознаграждении во время производства уголовного дела (ст. 6); участвовать в деле гражданским истцом (ст. 6); обращать иск о вознаграждении к наследникам умершего обвиняемого в порядке гражданского суда (ст. 18); прекратить вред и убытки примирением сторон (ст. 35); приносить жалобы через лиц, коим по закону предоставлено право ходатайства за них, или же чрез поверенных (ст. 43); обращаться и прямо в местную полицию, которая обязана произвести разыскание и о последствиях представить мировому судье (ст. 48); получение количества вознаграждения отыскиваемого от проступка, если иск подкрепляется достоверными доказательствами (ст. 80, 425); указать на подозреваемое лицо (ст. 257); для проведения осмотра, различного рода повреждений, следов насилия и состояния здоровья иметь участие судебного врача (ст. 336); отводить судей от участия в суждении дела (ст. 599); довести до сведения суда о существовании законных причин к устранению прокурора, не устраняющего себя в установленных случаях (ст. 609); изъявлять желание об оставлении в зале заседания родственников и знакомых, не более, как по три лица по объявлении определения суда о закрытии дверей заседания (ст. 622); осматривать вещественные доказательства (ст. 697); давать показания прежде чем свидетели, указанные обвинителем, и, наконец, те, на которых сослался (ст. 700); право на исполнение приговоров о денежных взысканиях присужденных в удовлетворение вреда и убытков судебными приставами (ст. 954, 974).

Совершенствование правового положения потерпевшего в УУС 1864 г. заключалось в том, что нормы ст. 43 и 297 УУС 1864 г. началом уголовного процесса определяли жалобу, поданную потерпевшим или его представителем. Именно с момента принесения жалобы на причинение вреда лицо признавалось потерпевшим от преступления, что влекло обязательное возбуждение уголовного дела²². Кроме того, в ст. 2 УУС 1864 г. потерпевший от преступления относился к органам, возбуждающим уголовное преследование²³. Норма ст. 302 УУС 1864 г. регламентировала форму жалобы, которая должна была содержать указание на время, место совершения преступления, а также доводы, «по которым возводится на кого-либо подозрение», вред и убытки, вознаграждение. В соответствии со ст. 303 УУС 1864 г. возбуждение преследования было желанием потерпевшего, а его жалоба – поводом для возбуждения уголовного преследования, в котором не могло быть отказано жалобщику (в том числе и несовершеннолетнему). С момента подачи жалобы потерпевший мог пользоваться своими правами, сформулированными в ст. 304 УУС 1864 г.: выставлять своих свидетелей; присутствовать при всех следственных действиях и предлагать, с разрешения следователя, вопросы обвиняемому и свидетелям; представлять в подтверждение своего иска доказательства; требовать на свой счет копии всех протоколов и постановлений. Отнесение этих прав к жалобщику, потерпевшему или обвинителю, согласно УУС 1864 г., не разграничивалось.

УУС 1864 г. разделял потерпевшего, гражданского истца, частного обвинителя, жалобщика. Согласно ст. 6 УУС 1864 г., гражданский истец – лицо, потерпевшее от преступления или проступка, но не пользующееся правами частного обвинителя, в случае заявления им иска о вознаграждении за вред и убытки во время производства по уголовному делу.

Возможность лица реализовать отдельные права потерпевшего от преступления давало ему лишь обладание правовым статусом. Это предположение исходит из того, что, наряду с регламентацией значительного объема прав потерпевшего от преступления в УУС 1864 г., их реализация порой находилась в зависимости от принадлежности лица к определенному сословию. Например, уездный суд в уезде и верхний земский суд в губернии – для дворян; городской и губернский магистраты – для горожан; нижняя и верхняя расправы – для государственных крестьян. Данная судебная система, построенная на сословном принципе, обеспечивала господствующее положение дворян во всех су-

²² Устав уголовного судопроизводства России. М., 1914. С. 303.

²³ Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1991. Т. 8. С. 120.

дах. Даже в магистратах и расправах заседателями могли быть только дворяне. Судьи, прокуроры, ассессоры, стряпчие в дореформенных судах не избирались, а назначались правительством. В апелляционных палатах уголовного и гражданского судов в губернии должности занимали также только дворяне. Существовала сильная зависимость судебных учреждений от администрации, которая тоже могла отправлять судебные функции. Процессуальный статус потерпевшего от преступления также различался в зависимости от характера обвинения. По делам публичного обвинения потерпевший в судебном следствии находился в зависимости от позиции прокурора, в отличие от дел частного обвинения, возбуждавшимся по жалобе потерпевшего. Последние могли быть прекращены за примирением сторон.

Таким образом, можно сформулировать ряд выводов теоретического характера.

1. Наблюдается выраженная закономерность формирования и развития такого социального явления, как потерпевший – элемента социальной реальности, результата взаимодействия людей, обладающего характерными чертами и специфическими свойствами для каждого исследуемого исторического периода. С самых первых предписаний и по настоящее время концепт уголовно-процессуального понятия «потерпевший» вобрал в себя результаты исторических, экономических, социальных и культурных преобразований, приобрел ярко выраженные особенности и специфику, отличающие его от концептов других правовых понятий, таких, например, как «жертва», «пострадавший».

2. Предпосылки формирования единой лексемы юридического концепта, отражающего положение лица, претерпевшего «обиду», и поэтому требующего защиты государства, содержались уже в Русской Правде. Исследование отдельных норм Новгородской судной грамоты 1456–1471 г., Псковской судной грамоты 1397–1467 г. показало, что на развитие уголовно-процессуального понятия «потерпевший» оказал влияние юридический концепт «истец», который с существенной трансформацией в смысле и функциональном назначении «дожил» до современного процессуального права России.

3. Нормы Уложения 1649 г. впервые формально закрепили принципы независимости от словесного расслоения и равенства лиц перед законом «истца», «челобитчика», «раненого», «того кому учинят убытки», «того кому насильство чинити»; наделяли статусом потерпевшего от преступления не только государство, но церковь, а на нормативном уровне предусматривали ответственность за «ложное челобитье».

4. Единой языковой формы концепта «потерпевший» такие источники права, как Уложение 1649 г., Артикул 1715 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. не содержали. Лексема уголовно-процессуального концепта «потерпевший» впервые собирательно регламентирована в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., но без дефиниции. Потерпевшим от преступных действий признавалось лицо, которому преступлением или проступком причинен вред и которое понесло убытки. Потерпевший от преступления относился к органам, возбуждающим уголовное преследование.

Высказывается предположение о том, что не исключена версия о заимствовании юридического концепта «потерпевший» в национальное законодательство из более широкого по содержанию французского правового понятия «victimе» (жертва, пострадавший, потерпевший).

Поступила в редакцию 12.06.17

A.S. Lukomsкая

THE GENESIS OF THE CRIMINAL-PROCEDURAL CONCEPT «VICTIM» IN THE LEGISLATION OF RUSSIA IN THE PERIOD BEFORE THE ADOPTION OF THE CHARTER OF CRIMINAL PROCEEDINGS OF 1864

With the help of the historical method, the analysis of development of the concept of a victim in the period prior to the adoption of the Criminal Procedure Charter in 1864 was made. As a result, the assumption was made that the first prerequisites for the formation of a single lexeme of the legal concept reflecting the position of a person who had suffered "insult" and demanded state protection were formed in the period of the Russian Truth. The Novgorod ship's certificate of 1456-1471, the Pskov court charter of 1397-1467 included the procedural concept of "plaintiff", which, with a significant transformation in meaning and function, "lived" to the modern procedural law of Russia. The Code of 1649, Article 1715, the Code of Penalties for Criminal and Corrective Orders of 1845 did not provide for a single linguistic form "victim". It is substantiated that the lexeme of the legal concept "victim" was first reflected in the Statute of Criminal Proceedings of 1864, but without a definition. Victims of criminal acts were those who had been harmed by a crime or misdemeanor and who had suffered losses. Presumably, at the time when the Criminal Procedure Charter was drafted in

1864, the legal concept of the criminal procedural concept "victim" was borrowed into national legislation from the wider legal French concept "victime", which collects such descriptive lexemes as "victim" "sufferer", "injured person".

Keywords: Victim, crime, participant in criminal proceedings, genesis of the concept, criminal procedural legislation of Russia, Criminal Procedure Charter.

Лукомская Анастасия Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного
процесса и правоохранительной деятельности
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: rrb@uni.udm.ru

Lukomskaia S.A.,
Candidate of Law, Associate Professor at Department
of Criminal Procedure and Law Enforcement
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: rrb@uni.udm.ru